

ТОСТ В ГРУЗИНСКОМ ВКУСЕ

Независимая газ. — 1994. — 29 сент. — с. 7.

Жизнь в перевернутом мире

Алена Карась

Мимолетности

ЖЕНЩИНЫ не говорят тостов за грузинским столом. Но, думая о Резо Габриадзе, неудержимо хочется говорить именно тосты. Сам Маэстро любит напоминать, что искусство марионеток связано с культом женского божества. Это дает мне смелость обнародовать маленький опыт женского тоста за грузинским столом.

Тбилисский театр марионеток Резо Габриадзе был легендой нескольких поколений грузинской и российской интеллигенции. Невозможно забыть чувство парадоксальности мира, когда после огромного изгиба Куры, по одну сторону которого — крепость Нарекало, а по другую — официозный, на каменном коне, основатель Тбилиси Вахтанг Горгасали, пройдя по узенькой улочке, вы попадали в крошечный зал, отделанный в духе Венеции XVIII века. В нем было ощущение подлинного шика, но особенного — не напористого. Представьте себе изящный петровский «Мон Плезир» в голландском вкусе после растрелянных громов Екатерининского дворца.

Так в самой сердцевине грузинской и уже по-советски приправленной чрезмерности вы получали неожиданную прививку вкуса и изящества, жадно поглощали сладкие пилюли утонченного стиля, в котором царствовала соразмерность идей и вещей.

В этом была и есть тайна Резо: в его колбе алхимика завариваются все человеческие сентименты, женские и мужские, советские, западные и восточные, — вся разделенная Вселенная бурлит в этой колбе, а выделяется чистое золото любовного свойства.

Так в годы, когда все тихо тлело, и потом, когда все взорвалось и

разделилось, марионетки Габриадзе являли нам подлинную природу вещей. Рукотворная кукла несет в себе страсть своего создателя, но и остраняет эту страсть, делает ее нейтральной, как бы бестелесной. Она пришла из магического мира египетской или шумерской цивилизации, где мно-

го думали о переходе в царство мертвых. Марионетка была и образом божества, и куклой смерти, символизировала упоенного человека, плывущего к неведомым берегам.

Габриадзе внес в устойчивую, неподвижную жизнь Совдепии

Резо Габриадзе.

Фото Натальи Мегведовой. (ИГ-фото).

диссонирующее чувство шаткого и опасного равновесия. Его марионетки жили по воле актеров, а эти — по чьей воле жили они? Кто держал их мирок на ниточке?.. У Франциска Ассизского есть история о том, как клоун ходит на руках перед статуей девы Марии. Он видит весь мир перевернутым, как бы подвешенным вниз головой, и испытывает острое чувство зависимости и любви к тому, кто подвесил его на ниточке и до сих пор не оборвал ее.

Входя в театр Габриадзе, вы чувствовали себя великанами при виде крошечного зеркала сцены. Но — гас свет, появлялись марионетки, и восстанавливались скрытые пропорции таинственной алхимии. Вам хотелось дойти до этих фарфоровых осколков небесных творений.

Я говорю слово «были» не потому, что Тбилисского театра марионеток больше нет — ничто не исчезает в фантазиях Габриадзе, — а потому, что его ностальгическая муза сродни платоновским эйдосам, которые от века пребывают в мире, и человеку на его долгом пути нужно только восстанавливать по крохам его совершенную прародину.

Сегодня Маэстро поселился в Москве. Он принял Театр кукол Сергея Образцова, который прислал его об этом, и работает над спектаклем. Из всех последних перемещений и назначений это кажется самым обнадеживающим. Жест Габриадзе принципиально неагрессивен. Он умеет только хранить и выращивать, но не разрушать. Хорошо знающий, что такое война, он дарит Москве уникальный опыт мирного вхождения в новую реальность.

Так выпьем же хорошего грузинского вина за то, что Резо Габриадзе почтил наш суетный город своим несуетным присутствием!

Наталья Уварова

МОЖНО сколь угодно долго перечислять все, что сделано Резо Габриадзе. Например, привести список 30 сценариев к фильмам (давайте ограничимся лишь «Мимино», «Не горюй», «Кин-дза-дза»), или перечислить города и страны, где побывали его выставки, или назвать все призы на театральных фестивалях. Но, быть может, лучше ограничиться словами Питера Брука «...он действительно настоящий создатель Великой Оригинальности».

В нынешнем сезоне Габриадзе стал художественным руководителем Государственного академического центрального театра кукол им. С.В. Образцова.

Его пресс-конференция перед открытием сезона менее всего напоминала официальное представление мэтра. Сидели в буфете, пили кофе, курили. «Извините, я отвлекся, — неожиданно говорил Резо. — Просто Маша пришла. Очень красивая, глаз не отор-

«Боюсь пафоса и фальши...»

вешь». Были, естественно, вопросы, но все же это напоминало, скорее, монолог, вернее — мысли вслух. «Три года назад я уехал из России. И теперь открываю ее заново. Она не похожа на ту, что я оставил».

«Кукольный театр — это, скорее, средневековое понятие. Он несет в себе рукотворчество, кукла сделана руками, она впитывает человеческую энергию и, как все сделанное руками, — неповторима и индивидуальна. Кукольный театр вообще принципиально отличен от человеческого. Обычно что происходит — приходит режиссер и говорит: «Вася, ты — Гамлет, а ты, Клара, — Офелия». И Вася срочно учит текст, а Клара с той же быстротой худеет. Здесь все по-другому. Нет ни Васи, ни Клары. Их еще нужно создать, создать трупку. Недаром я говорю о средневековье. Это ручная сладость, ручное дело».

«Одна из главных моих задач — сохранить и защитить то, что создал Сергей Владимирович Образцов. Вот мы сидим с вами в прекрасном доме — его оставил нам он».

Думаю, что будет правильно объявить этот театр национальным российским достоянием. Я хочу обратиться в ЮНЕСКО с просьбой защитить наш театр. И спектакли Сергея Владимировича — тоже наше достояние. Пока я в театре, буду делать все возможное, чтобы сохранить их».

«У себя в театре в Тбилиси я сделал специальную нишу для интриги, выяснений отношений. «Ах, он сказал — она сказала», это — тоже спектакль, тоже театр».

«Сейчас я начинаю работать над спектаклем о войне. Мы как-то не осознаем, что никогда еще Европа не знала 50 лет мира. И это благодаря тем, кто был на последней страшной войне. Я из Грузии, и я, к ужасу, знаю, что такое война. В

военной теме я боюсь пафоса и фальши. Давайте забудем о благодарности, а просто вспомним, какими они были те, кто пережил войну. Ибо все слова, сказанные по этому поводу, уже истрачены, изъедены молю, облиты грязью. А в спектакле, как мне кажется, я смогу избежать этого. Я хочу просто взять музыку, кукол, актеров, свет — и тронуть сердца. В этой теме остался только один адресат — сердце. И еще я думаю о детском спектакле для самых маленьких, 3—5-летних. У нас, у взрослых, распространен определенный расизм по отношению к этому возрасту, они вроде и не люди, а игрушки. Один мой знакомый на Западе сказал мне, что он на компьютере вычислил, что именно этому возрасту в первую очередь нужен театр. И мы будем его делать».

15 сентября театр открыл свой новый сезон. В один из вечеров мы придем туда, «погаснет свет, и на сцене только кукла».